

КАМЕННЫЙ МОСТ

Литературно-
художественный
альманах

Томск 2005

Мы публикуем "выбранные места" из личной переписки А. М. Сагалаева. В нашу эпоху, когда письмо превратилось в жанр почти архаически-избыточный, мы имеем возможность познакомиться с наблюдениями и впечатлениями одареннейшего человека, который унаследовал лучшие свойства сибирской интеллигенции (почему он письма и писал).

Безвременно ушедший от нас Андрей Маркович Сагалаев окончил исторический факультет ТГУ, раз и навсегда избрав ученую стезю этнолога. Это был счастливый выбор.

Этнология — перекресток живой повседневности и глубокой старины, в ней равно необходимы широта кругозора и сердечное внимание к деталям жизни. И тот, кому по плечу сопрягать эти качества, становится фигурой высокого культурного значения. Такой фигурой и был Андрей Сагалаев.

Всю жизнь его интересовали проблемы традиционного мировоззрения народов Сибири. Но чем глубже продвигались его иссле-

дования, тем более универсальный характер приобретали их мотивация, их назначение и значение, их диалог с соседними рядами культуры. Этнология А. М. Сагалаева решила задачи Большой Культурологии. Сагалаеву было присуще органическое чувство слога. И письма его, сочиняемые вне мысли об их публикации, о красотах стиля, это подтверждают. Перед нами — замечательный рассказчик, человек, видящий мир свежо, с большой долей юмора, с легкостью находящий нужные слова. Он умел общаться с людьми как немногие.

Вопреки общим представлениям ученость Андрея Марковича не противостоит живости его восприятия, а напротив — придает письмам особое, ироническое и историческое обаяние.

Кстати, и его увлечение фотографией, по оценке знатоков этого дела, далеко переросло уровень добротного любительства. Талантливый человек (вы уж извините за банальность!) талантлив во всем.

“ИСКРЕННИЙ ПРИВЕТ НЕЗАПЛАНИРОВАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ!”

Письма А. М. Сагалаева родным и близким

М. К. и И. М. Сагалаевым, Е. А. Марковой, сестре Анне

25 июля 1973, с. Талкино Ширинского района
Хакасской автономной области

Здравствуйте, дорогие папа, мама, баба Лена и Анюта!

Напишу все по порядку. Из Томска мы выехали 22 июля из-за того, что было невыгодно уехать 20-го — мы прибыли бы на место в воскресенье. 23-го в 10

вечера сошли с поезда "Томск — Абакан" на станции Копьево. Там переночевали в гостинице, а на следующий день на автобусе покатали дальше. Перед этим всей толпой зашли в книжный магазин, где я и раскопал альбом П. Рериха. Думаю, вы тоже будете в восторге, я его сразу выслал домой. Вечером 24-го мы были в пункте назначения — в деревне Ошколь Хакасской АО. Деревня заброшена: из 40 дворов живут всего в 12. Здесь нет света, радио, газет, почты, магазина, автобуса и т. д. Живем мы в пустом доме вместе с группой наших антропологов, они раскапывают здесь старые кладбища. Их и нас — вместе 9 человек, все знакомы еще по ТГУ, живем весело. Собираем свой материал, а сегодня помогали <...>. Питаемся хорошо — хлеб, молоко, масло покупаем у хакасов, остальное — привезли с собой. Живем — во! Теперь о природе.

Деревня стоит в долине между гор. Ширина долины около 6 км, длина 40 км. Вокруг — горы, поросшие лесом, остальное — степь. Красота изумительная. Таких красивых мест я еще не видел не только в Сибири, но и вообще.

Природа здесь буквально очаровывает, несмотря на обилие крапивы в деревне и изобилие комаров везде в здешних местах. Рядом с деревней — озеро с прекрасным дном. Озеро между двумя горами. Это просто чудо. На холмах и склонах столько клубники, что мы на раскопках просто лежим и трескаем ее, не сдвигаясь с места. За 3–4 минуты можно спокойно набрать кружку ягоды. В лесу есть олени и прочая живность, но мы там еще не были. Рыбы в озере и реках в изобилии.

Хакасы относятся к нам очень тепло, так что работа в Ошколе идет споро. Адрес свой я вряд ли смогу вам сообщить, т. к. маршрут наш весьма неопределен. Обстановка все время меняется, в соответствии с получением интересных сведений от местных жителей, и я не знаю, где мы можем оказаться через 3–4 дня.

Я вполне здоров, ноги не промачивал, настроение в данный момент просто великолепное. Это все надо самому увидеть, в письме не опишешь. Хакасия — это здорово! Сейчас пишу вам при свете керосиновой лампы; в стекло окна, как здоровые поросята, ломятся комары, но все о'кей, все в порядке.

Всем привет. Не волнуйтесь за меня. Позже напишу еще, в одно письмо все не входит. <...>

Э. Л. Львовой

30 мая 1978, Ленинград

Здравствуйте, Элеонора Львовна!

Уже неделю я в Ленинграде. Большое спасибо за Ваше письмо "из апреля". Помня о нашем томском разговоре (+ письмо), я сразу же отправился в ЛОИВ, где был радушно встречен С. Г. Кляшторным. Как следует поговорить не удалось: в институте сейчас происходят всевозможные заседания, реорганизации и переизбрания. Творятся грандиозные дела: отделы превращаются в секторы, кабинеты — в группы. Московское начальство считает, что это резко повысит производительность труда и качество публикаций. Нашелся все же один сотрудник,

который располагал временем: пока Кляшторный заседал, он три часа (!) рассказывал мне о снежных “человеках”, тангутской филологии и других прищельцах, упоминаемых в древних источниках.

Позже Сергей Григорьевич познакомил меня с тибетологами Е. И. Кычановым и Л. С. Савицким (хранитель Тибетского фонда ЛОИВ). Сходили в этот фонд, значительная часть которого даже “не разобрана”. Там же хранится прекрасная коллекция икон, еще не описанных. Все шло довольно гладко, пока светила нашей тибетологии не уличили меня в полном невежестве по части восточных языков. Незнание китайского они мне простили, но “не знать тибетский и монгольский — это...”.

Все же рекомендации Кляшторного сделали свое дело: мне разрешили поработать с иконами, и была обещана посильная помощь в отношении тибетского языка. Кычанов даже посоветовал мне просить командировку: “Поезжайте прямо в монастырь, к Хамбо-ламе. Там на месте во всем разберетесь”. Глава нашей буддийской церкви стал ламой уже после войны; был боевым офицером Красной армии. Позже учился в Лхасе. И самим Далай-ламой назначен был на нынешний пост. Ежегодно он направляет молодых лам-бурятов на обучение в Буддийскую академию в Улан-Батор.

На кафедре, кажется, не заметили вообще моего отсутствия. Итс сказал, что он “в принципе” не против моей поездки на Алтай с экспедицией ТГУ, особенно если это не налагает на кафедру финансовых обязательств. Осталось решить последний вопрос — освободиться от участия в приемной комиссии.

Побывал я на ежегодном книжном базаре. Благодаря этому мероприятию, в городе несколько дней ощущалась явно повышенная нервозность. На площадь Островского (у Александринского театра) направлялись с раннего утра, целыми семьями (чтобы стоять сразу в нескольких очередях). Порядок в очередях поддерживали наряды милиции; устраивались переклички, дабы посторонние не внедрились в очередь за “Книгой о вкусной и здоровой пище”. На солнышке, у самого театра, одинокие поэты читали в микрофон стихи. Сутолока была даже у киоска “Академкнига”. Ажиотаж подогревал какой-то старичок в джинсах: “Берите больше, не пожалеете. В этой книге — вся мудрость индийских йоганов”. (Это он о “Махабхарате” так.) Должен Вам признаться, меня он убедил.

В тот же день попала мне в руки книга В. С. Драчука “Дорогами тысячелетий” (М., 1974). На стр. 134 напечатан следующий текст: “Когда Яра отправился в поход против Лилимува, когда отправился и был разбит, Ярамува его устранил, прогнал своего любимца, и тот сам уничтожил Лилимува”. И т. д. Это перевод надписи на Фестском диске, сделанный в 1976 году болгарским ученым В. Георгиевым. <...> Письмо действительно оказалось слоговым, и, судя по тексту Георгиева, [два изображения] читаются как “МУ-ВА”. Но вот “обратная зашифровка” текста в рисунки диска у меня что-то не совсем получается. Как сообщается, правда без комментариев, в той же книге, Георгиев два года назад прочитал и письменность этрусков, которых он выводит из области Трон. Троя фигурирует и в переводе Фестского диска, датируемого XVII в. до н. э.

Надолго запомнится мне этот книжный базар. <...>

Э. Л. Львовой

13 декабря 1978, Ленинград

Дорогая Элеонора Львовна!

Вчера получил Ваше письмо, добиралось оно до Питера месяц. Видно, не перевелись еще чудеса. Большое спасибо Вам за письмо и соучастие. Хочу поделиться с Вами долгожданной радостью: сегодня удалось наконец поговорить с Л. Н. Гумилевым, да еще послушать его лекцию.

По расписанию на этой лекции должны были присутствовать 20 человек, но я с трудом нашел свободное место в большой аудитории. Другим повезло меньше: первый час сидели на подоконниках. Аудитория собралась самая разная, как по возрасту, так и по специальностям. Лекции из курса "Народонаселение", который Гумилев читает ежегодно, и каждый раз — по-новому. В прошлом году он брал в качестве иллюстрации Рим и Грецию, сейчас — Европу Нового времени. Но писать конспект просто невозможно, и большинство просто слушали его. Я пытался писать. Но боюсь, получилось очень невразумительно. Рассказывая о событиях начала XVII века в России, Гумилев, например, делал экскурс в историю США, Австралии и Франции, и еще цитировал Жанну Д'Арк: "La belle France..." (далее я не понял). Но как обидно, что читает он все это только географам. А ведь еще 3 года назад (на философском семинаре географического факультета, собранном после опубликования в "Вопросах истории" весьма недостоинной и провокационной статьи В. И. Козлова "О биолого-географической концепции истории") концепция Гумилева была, по сути дела, если не поддержана, то оправдана. Так и написали: "...критика... положений Л. Н. Гумилева может вестись с конкретно-научных позиций, а попытка историка В. И. Козлова критиковать работы Гумилева от имени марксистской философии не может быть признана удачной. Ее не поддержал ни один из выступивших на этом семинаре ученых". <...>

И тем не менее его новая книга "Феномен этноса" так и не вышла, а докторская "Этногенез и биосфера Земли" пять лет где-то томится. После этого всего так приятно увидеть, как Гумилев (очень доброжелательно, и даже как-то радостно) после лекции полтора часа отвечает на вопросы оставшихся "младших единомышленников". В лекции, что особенно впечатляет, он не столько пропагандирует свои идеи о пассионарности и суперэтносах, сколько последовательно и талантливо развивает мысль, о которой он сам сказал так: "Когда меня в Москве спрашивает высокое начальство, что же я собственно доказываю, я говорю им, что доказываю простую вещь: хамить не надо. Надо уважать непонятное (или не понятое нами) в других народах".

Вопросы задавали самые разные. На один, о причинах националистических движений, он отвечал так: "Самый простой способ вызвать националистические движения — начать переучивать людей на свой лад, чуждый для них лад. Теперь (как я слышал от одной пятикурсницы) это называется "пудрить мозги". В любом случае, такое переучивание, даже с самыми благими намерениями, редко идет на пользу. У нас в Сибири была поговорка: "Не будь ты моим благодетелем".

Потом мы разговаривали с ним о ламаистской иконописи. Оказывается, опись коллекции, использованной в “Старобурятской живописи”, Л. Н. делал еще в 1948 году, “как раз перед тем, как меня взяли «на бис»”. И с тех пор почти не занимался буддийской иконографией, так что помочь он может только в общих вопросах. Я об этом даже и не мечтал. Договорились, что я принесу ему “краткое изложение буддологических воззрений”, а Л. Н. выскажет свое мнение. Вот такой сегодня был день — голова кругом идет. <...>

Э. Л. Львовой

8 февраля 1983, Москва

Дорогая Элеонора Львовна!

Пишу Вам из “ссылки”, где исполняю обязанности консультанта на выставке “Древняя культура Алтая”. Отправили меня сюда на двадцать дней, одного. Говорение на выставке занимает не так много времени, поэтому появилась возможность поработать в библиотеке. Всерьез взялся за тему, которую хотел бы назвать “Христианство в Горном Алтае”. Материала много, но много и неясностей (как всегда). Хотелось поговорить, посоветоваться с Вами, но поездку в Томск отменили. Вероятно, наше руководство считает, что командировка в столицу — тайная мечта каждого мэнээса. Как Вы знаете, у нас теперь новый директор, да и новые времена. Сокращение штатов, проверка дисциплины, предстоящие реорганизации в структуре института — все это оживляет жизнь (прошу прощения за тавтологию). Предполагали даже выпустить стенгазету “Веселый сокращенец” с редакционной статьей “В большую жизнь — с чистой совестью”. А если честно, пока особых изменений нет. Директор одобрил наше предложение о выпуске сборника “Полевые исследования этнографов Сибири”, и есть надежда, что издание станет серийным. Надеюсь, что удастся обойтись и без нелепого ограничения, ведь всем понятно, что острепенность авторов — их личное дело. Выяснилось, что это местная инициатива, попросту — перестраховка. <...>

Если бы еще мне дали возможность и в поле работать! Прошлый сезон, конечно, даром не прошел: потрогал руками и алтайский палеолит (Кара-Тенеш), и афанасьевские курганы (Кара-Кол) и посмотрел, как копают Денисовскую пещеру. Весной, когда ездил в Хакасию искать “шаманскую пещеру”, тоже довелось посмотреть интересные места — грот с рунической надписью, печально известную Малую Сью, петроглифы Среднего Енисея. До этнографии руки не дошли. Правда, в Ябогане, когда записывали у А. Г. Калкина былички, обнаружили поразительные вещи. Люди не просто помнят о бурханизме, кое-кто знает судьбу самого Ч. Челпанова и его дочери; пожилые люди помнят бурханистские песни и сказки, в которых одно из действующих лиц — Майтрея (Майдари-бурхан). Все это так перемешано с реликтами шаманизма и христианства, что оторопь берет. Снимки, сделанные в Балыктуюле и Ябогане, удалось использовать на нашей выставке в Москве. Помните, в Балыктуюле, в 1978 г. мы беседовали с женщиной, неподалеку от ее чадыра (единственного в селе)? В прошлом году с Са-

шей мы побывали у нее еще раз, и, когда я фотографировал, она, шутя, сказала: небось в Москву на выставку повезете? Все сбылось. Когда на выставку пришла группа студентов-алтайцев, учащихся в Москве, многие узнали на фото не только знакомые места, но даже узнали людей. Хорошо отозвался о выставке и С. А. Токарев, что было особенно приятно.

Возвращаясь к христианству, я хотел бы спросить у Вас вот о чем.

Правомерность постановки подобной темы, видимо, оспаривать не будут. Меня смущает вопрос оценки деятельности Алтайской миссии. Начитавшись отчетов миссии, убедившись в том, какие огромные усилия прилагались ими для христианизации алтайцев, я пришел к выводу, что однозначно оценить работу миссии нельзя. Что касается негативных моментов, они в избытке. Сложнее с положительными чертами: школы, благотворительная деятельность, приобщение к русской культуре. Нет сомнения, что рядовые миссионеры работали с увлечением, самоотверженно и, видимо (как следует из финансовых отчетов), не из-за вознаграждения. Пожалуй, их работу можно сравнить с работой некоторых учителей сельских школ, которые делают много больше того, чем на них возлагают инструкции. В ряде случаев миссионерские отчеты — пример трезвого анализа положения на Алтае; есть и прогнозы, которые позже сбывались, и ценные зарисовки быта и т. п.

Не так давно Ф. Сатлаева (в рецензии на его книгу) упрекнули в том, что автор преувеличивает положительную роль миссии. Хотя Сатлаев касается работы миссии мимоходом. Мне не хотелось бы обходить этот важный вопрос (оценку миссии), но пока я не вижу объективного решения. Дело в том, что чаще пишут о положительном влиянии на аборигенов рядового русского населения. Алтайские материалы нередко говорят об обратном. Справедливо ли будет сказать, что в своей деятельности миссионеры объективно выходили за рамки поставленной перед ними задачи и являлись в ряде случаев проводниками русской культуры в широком ее понимании? Уместно ли будет рассмотреть вопрос о современных пережитках христианства на Алтае? Сомнений много.

Напишите, пожалуйста, что Вы об этом думаете. Поздравляю Вас с наступающим годом Черной Свины; ведь мы немножко азиаты, хотя бы географически.

Всего Вам доброго. До свидания.

Андрей.

М. С. Усмановой

8 июля 1983, Москва

Дорогая Марьям Султановна!

Поздравляю Вас с прекрасной защитой диссертации, о чем знаю от очевидцев этого события. Рассчитывал сказать все это при встрече, но в Томске пробыл недолго, а Вы уезжали в Ленинград. Надеюсь, Вы не в обиде на меня за долгое молчание; это не от отсутствия хорошего к Вам отношения, а от (просто нет сил закончить такую напыщенную фразу) неорганизованности.

Получил недавно письмо из Самарканда, от Виктора Ракуца. Пока не ответил, т. к. не выяснил, нужен ли этнограф в краеведческом музее. Жаль, если специалисту не удастся найти работу по профилю. В институте у нас, хотя и говорят о необходимости “укрепить” группу этнографов, надеются, судя по всему, сделать это за счет внутренних резервов. Пока же нас укрепляют уплотняя — поставили в комнате столы востоковедов (Ю. М. Бутина и Т. М. Кашиной). Тесно и не скучно. Приходит в гости А. Г. Малявкин, рассказывает о жизни в старом Харбине и об университете Маньчжоу-го, в котором он учился. В результате сокращения и каких-то непонятных решений, институт уже потерял и Г. И. Пелих, и А. Г. Малявкина. Остались одни мэнээсы, которым предлагают расти и созревать. Боюсь только, что при отсутствии крупных специалистов, которые могли бы и проконсультировать, и покритиковать, это созревание затянется. Хотя Л. П. Потапов на это сказал: “Хватит читать и учиться, пора бы уже и самим писать”. Вот в Тофаларии недавно нашли в пещере грамоту XVII в., написанную старомонгольским письмом. Хотели и мы съездить в те места, да начальство опасается. В прошлом году (весной) была экспедиция в Хакасию. Пришел в институт человек и рассказал, что нашел пещеру с шаманами — куклами и прочими чудесами. По описанию это напоминало таштыкский склеп. Приехали, но на месте информатор начал путать и плутать. Так ничего и не нашли. Пещер там много, и, по косвенным данным, можно ожидать интересных находок. Есть рассказы и о буддийском пещерном храме возле озера Джулукуль, в истоках Башкауса, и об изваянии тов. Будды в пещере на Юго-Востоке Алтая. Добраться туда непросто, да и пещерные сюжеты не вдохновляют руководство (пока).

Сейчас я в столице, вожу экскурсии по выставке “Древняя культура Алтая” Приходил С. И. Вайнштейн. <...> Так и живем.

В библиотеке читаю миссионерские отчеты (по Алтаю). Нашел в одном из них такой рождественский стих (цитирую по памяти, но близко к оригиналу):

Шел по улице малютка,
 Посинел и весь продрог.
 — Боже, — говорит малютка, —
 Я озяб и есть хочу.
 Кто же, боже мой, согреет
 И накормит сироту?
 ...Шла по улице старушка,
 Увидала малыша,
 Подошла, и пожалела,
 И с собой его взяла.
 Накормила и согрела.
 Наконец наелся он.
 Запер глазки, улыбнулся
 И сказал: “Спокойный сон!”
 ...Бог и птичку в поле кормит
 И кропит росой цветок,

Бесприютного малютку
Тоже не оставил бог.

На этой мажорной ноте я и закончу письмо. <...>

Э. Л. Львовой

10 августа 1987, г. Осака (Япония)

Дорогая Элеонора Львовна! Охайе Гозаймас, т.е. здравствуйте!

Очень трудно здесь письма писать. Уже 17 дней в Осака, пора бы привыкнуть. Да что-то не привыкается. Жизнь такой интенсивности нам явно противопоказана. Работаем мы без выходных, с 9.30 утра до 9 вечера. Через павильон за день проходит 20 — 20 тысяч человек. Вопросы, улыбки, поклоны. В жизни столько не улыбался. Урывками смотрим город. Недалеко от гостиницы расположен замок "Osaka Jo" — здешний Кремль. Красота невообразимая, при полном отсутствии официоза. Сходил в буддийский храм Shitennoji, основанный в XIV веке. Меня там никто не узнал. Товарищи будды в полном одиночестве. Зажег палочку, посидел, подумал. В Осака очень мало парков (в черте большого города), и уединиться можно только в храме или в сквере вокруг него. Впрочем, и там продают кока-колу.

В отеле на столе лежит Новый завет и книга "Учение Будды" на английском языке. Утром приносят Asahi Daily News. Вечером — Mainichi Evening News. Иногда читают не предлагают. В газетах много пишут о Союзе, очень сдержанно. Но вот что меня удивило: из четырех человек, у которых я спрашивал, где похоронен Кавобата Ясунари, двое сказали, что не знают, а двое спросили, кто это такой. А ведь спрашивал у людей с высшим гуманитарным образованием.

На выставке наш павильон соседствует с ленинградским ("Мамонт из Сибири"). Они привезли (опять) бледного мумифицированного Диму и прочих зверей, чуть археологии. <...> Неподалеку китайцы показывают свои фантастические находки: золотую лошадь, иньскую бронзу и т. д. А уж вокруг — море электроники, лазеров-мазеров и гуммиарабиков. Плюс гигантский аквариум с тропическими рыбами и небольшой акулой. Подозреваю, что она ими питается.

На перекрестках стоят металлические столбики с кнопкой и надписью на азбуке Брайля. Слепые люди нажимают кнопку, загорается зеленый свет, и с обеих сторон узкой полосой (из направленных друг на друга динамиков) звучит мелодия песни "Tog[i]anze". По звуковому лучу люди переходят улицу. Удивительно красивая мелодия. В короткой паузе посредине уличного шума это прямо-таки ошеломляет. В городе много бездомных. Почуют на лавочках у реки Ёдогава, под мостами. А их тут 808.

К нам относятся хорошо, а ведь многим слово "Сибирь" известно не понаслышке. И все же Япония ускользает. И это обидно. Дни летят быстро, и чувствуешь, что видишь либо электронный фасад, либо туристские объекты. Страна где-то прячется. Спрашиваю у нашей переводчицы, когда начинается осень? Она от-

вечает: когда заюют другие цикады. А мордастые парнишки 14–15 лет пробегают через павильон “Сибирь” не глядя, устремляясь в лазерные джунгли соседнего “Sharp’a”. В ухе играет музыка, в глазах — скука. Они уже всего объелись. Конечно, таких везде хватает.

Сдаюсь. Разобраться в увиденном пока не удастся. Элеонора Львовна, до конца сентября мы будем жить в Осака. Вот адрес: Sagalaev A.M. Hotel Osaka Castle, 2-35, Kyobashi Higashi-ku, <...>, 540 Osaka, Japan. Напишите, пожалуйста. Большой привет Вашим домашним, Марьям Султановне. Иду на службу, как дисциплинированный человек. Фирма не любит опоздавших.

Андрей.

С. И. Ануфриеву

2 сентября 1987, г. Осака (Япония)

Сергуня, здравствуй!

Низкий поклон твоему семейству. Как говорят в Осака: Охайе годзаймас, Ануфриев-сан! Осталось мне тут жить 3 недели. Как бы не перейти на подножный корм. Вот прошел, понимаешь ли, тайфун № 12. Бананы резко подешевели. В магазинах дети играют на компьютерах. Хоть бы один научил, куда давить надо. Картинки мелькают, в конце концов пришельцы побеждены. Это воспитывает в подрастающем поколении гордость за земную цивилизацию. А вообще люди приветливые. Никто не пристает: почему да почему... Понимают, наверное, или стесняются. В книжном магазине (7 этажей) толпятся до 9 вечера, читают. Прямо как у нас, да? И улицу на красный свет не переходят. На выставке задают много вопросов, порой наивных. Например, зачем шаману железная сабля? А в самом деле?

Время летит быстро. Уже осень: температура упала до 32°. Стало можно гулять по вечерам. Чем и занимаемся. Город красивый и чем-то напоминает Ленинград. Тоже мосты, каналы. Правда, Зимнего нет. Повсюду звучат песни известного тебе квартета. В октябре исполняется 25 лет их дебюта. Надеюсь, мы это дело обсудим детально вместе. <...>

Sayonara, то есть “пока”.

А. Сагалаев.

P.S. Искренний привет незапланированным читателям!

Э. Л. Львовой

19 октября 1988, Новосибирск

Здравствуйте, дорогая Элеонора Львовна!

Извините, пожалуйста, за долгое молчание: лето было суматошным, осень тоже, и конца этому не предвидится. Только что вернулся из Барнаула, где гостил

у Сашы Элерта и смотрел картины Г. И. Гуркина (с тайным умыслом подобраться и к его рисункам). <...>

Простите за "официоз" — печатаю на машинке, т. к. совершенно отвык писать за два экспедиционных месяца — пальцы не слушаются. Сначала работали на Нижней Тунгуске, в экспертной комиссии по поводу Туруханской ГЭС. Готовится там форменный этноцид, о чем и написали в своем заключении. А до конца сентября был на Алтае. Оказывается, на Бащелакском хребте чабаны еще "подшаманивают". Посмотреть не удалось, но сам факт отраден. Судя по рассказам, ритуал прямо-таки придумывается на месте. Люди ощущают потребность в ритуальном поведении — и находится человек, способный воссоздать нечто подходящее. Кстати, про нашу книжку мне в Усть-Кане сказал один функционер, что это — "учебник для шаманов". Вот эта оценка!

На этой радостной ноте и закончу. Пока не знаю, когда удастся выбраться к Вам в гости, держат занятия в университете. Напишите, пожалуйста, что делать нам с Сашей и Ириной. Большой привет Юрию Алексеевичу и Марьям Султановне. Всего доброго.

Андрей.

С. И. Ануфриеву

30 декабря 1990, г. Саппоро (Япония)

Сереза, здравствуй. <...> Меня так резко и однозначно сорвали с места, что я не мог — не успевал — вас предупредить. Искренне жаль. Дело вот в чем. Наши люди нашли на Алтае уникальный могильник скифского времени (вернее — серию погребений). В рез[ультате] решили сразу заключать договор с японцами о совместных исследованиях в 1991 году, все закрутилось-завертелось. И вот я сижу в Саппоро, изучаю ихние методы и методики. Крутом сугробы. Снег с тротуаров они не убирают, я намедни так... ну, скажем — упал, что до сих пор некоторые функции не восстановились.

Короче, я перешел к рыночным отношениям на месяц раньше, чем СССР. И уже вкусил. По утрам я с тревогой слушаю о курсе иены и доллара. Потому как нужно не только пить, но и обедать. И ездить на метро. А в метро в Саппоро — не вру — на резиновых колесах вагоны. Шума меньше, но тарифы те же, что и в Токио. Тутошние наставники стараются сделать из меня ударника капиталистического труда. Рабочий день — часов по 10, обед — 30 минут. Профсоюза нет, талоны на sake не дают. В телевизоре — только наш президент и Шеварднадзе (не уверен в необходимости первого "д").

Так будем жить (я тут с напарником) еще 2 месяца. Правда, через неделю вернемся на основной плацдарм — [километров] 120 от Токио, г. Маебаша (центр префектуры Гумма). Там тепло, цветут какие-то кусты, на деревьях — мандарины (не на всех), иногда падают за ограду. Вкусные. Город чуть поменьше Томска, но дома почти все — в 2 этажа. Любят буржуины комфорт. Мы живем там в таком же домике. Все бы хорошо, да вот отопления совсем никакого. Какая-то

керосиновая грелка, а утром в комнате +5°. Бодрит. (Это хозяева так думают.) А вообще интересно. Познакомился с окрестными бабушками, теперь раскланиваемся. Соседи иной раз чего-нибудь скажут. Дедок (сожитель наш) лапшу сварит вечером, телевизор вместе посмотрим. Про северные территории поговорим. Я так думаю: еще год-другой — и население этих “территорий” путем референдума присоединится к империи (насчет поесть).

С Новым годом вас (увы, письмо сильно запоздает)!

Больше не буду я! Обещать так опрометчиво! И уезжать без предупреждения. До встречи! В середине марта появлюсь в Томске. Как там мой диван и красный петух? А?

Андрей.

P.S. Без особой надежды, но все же: г. Маебаши, дом. тел. (0272)212279. Дома бываю часов с 9, не позже (Томск = -2 часа). А?..

О. Б. Беликовой

31 августа 1996, г. Урбана-Шампэйн (США, штат Иллинойс)

Олечкин, здравствуй!

Вот встал в 5 утра — не спится тут пока — и сел за письмо. Странная жизнь в Америке продолжается. Уже по первым впечатлениям могу судить, что будет она у нас с тобой тут разной (и спокойной, и не очень), но в любом случае она уже началась. И я считаю дни до твоего приезда.

1. Как я ехал. Хваленая Delta в Москве ошарашила меня сообщением, что все 10 часов полета нельзя курить. И я в тоске таранился в иллюминатор: мы пролетали прямо над Питером (внизу — ни облачка, я видел даже Зимний дворец), над Хельсинки, Рейкьявиком, потом — Гренландия, Баффинова Земля, Ньюфаундленд, Бостон — и вот New York city. Там Delta потеряла мой чемодан. В Чикаго я прилетел в 7 вечера, а через 2,5 часа на маленьком самолете — в Champaign, что заняло 35 минут. И, проведя без сна 27 часов, минута в минуту очутился на месте. Меня встречали О. Соффер и Майк Фицджеральд, ответственный за прием иностранных специалистов. И прямо из аэропорта отвезли “домой”. На столе уже стояли цветы, в холодильнике — шампанское, и в полночь мы отметили приезд.

2. Что было потом. Последующие три дня были заняты необходимой беговой — телефонная компания, Social Security, банк, кафедра, Family Housing и прочие конторы. Везде с улыбками, быстро и вежливо нас вписали во все бумаги, внесли во все файлы и списки. Наутро я уже доставал из почтового ящика письма, буклеты, книги, адресованные мне. <...> Через три часа пойду получать наличные, ибо деньги из Москвы уже тью-тью. Потом Соффер отвезет меня в супермаркет, чтобы запастись продуктами на неделю.

3. Куда мы попали. Два города — Урбана и Шампэйн — на самом деле это один город. Граница м[ежду] н[ими] проходит по соседней улице, но я еще не понял, в котором из них живу. Все население — около 100 тыс., из них больше половины — студенты и люди, связанные с университетом. Университетский горо-

док (кампус) находится в центре. Тут много больших и красивых зданий (основан он в 1867 г.), а вокруг — двухэтажные коттеджи, поэтому в целом город занимает большую площадь (и без машины трудно попасть в большие магазины — они все за пределами кампуса). Правда, тут хорошо организовано автобусное движение, но с этими маршрутами я еще не разобрался.

Наш домашний адрес такой: Andrei M. Sagalaev, Room 109, 300 S. Goodwin, Urbana, Illinois, 61801, USA. Сюда будешь слать письма, посылки и бандероли. Короче, еще раз — лучше! — я написал адрес на прилагаемом плане нашей квартиры.

В местной газете про Урбану-Шампэйн пишут (с юмором), что она "расположена посредине Ничего", имея в виду, что это сельский район. Езды на поезде до Чикаго — 1,5 — 2 часа. Я тебя буду встречать в Чикаго, в аэропорту О'Наре, т. е. там можно напрочь заблудиться — несколько терминалов, куча переходов, масса разных авиакомпаний etc. Рейс Аэрофлота из Москвы прибывает сюда в терминал S, я уже его посетил — когда летел сам, специально сходил и проверил, где встречать жену. Потом вышел на улицу покурить (в США нигде нельзя курить в общественных местах), на лавочку ко мне подсел (кривой, как турецкая сабля) негр. Увидал, что я тоже курю "Kent", начал рассказывать: "Вот когда мы с Джимом работали в Мексике..." и т. д. Обменялись мы с ним сигаретами — я полетел дальше, он пошел добирать вес. Метрах в десяти сзади поехала полицейская машина. За ним, конечно.

В Урбане (в кампусе) с преступностью спокойно. Угоны машин бывают очень редко, чаще берут велосипеды. За 10 лет в кампусе было одно убийство — в прошлом году. До сих пор все вспоминают. "Сначала он убил ее, потом сам бросился под поезд". Вчера арестовали троих за торговлю кокаином. В криминальной хронике — сообщение о краже щенка ротвейлера у какого-то студента. Главная проблема университетской полиции — нарушение правил продажи спиртного студентам. До 21 года они не имеют права их покупать. И полицейские в штатском ловят в барах любителей виски и штрафуют их на 250 баксов. Но я внимательно прочел инструкцию по безопасности: "Если в каком-либо месте Вы почувствовали себя дискомфортно — немедленно уходите. В своих ощущениях разберетесь потом!" За порчу огнетушителя в общественном месте — 6 месяцев тюрьмы. Но вот за рулем можно выпить 2 кружки пива.

Короче, все улыбочивы и внимательны, но предпочитают, чтобы их не обременяли чужими проблемами. Поэтому я лишний раз с вопросами не лезу. Все самой образуется — это моя исконная политика. <...> Меня снабдили огромным количеством инструкций и брошюр — от расписаний автобусов до рецептов приготовления грудки индейки в духовке. Читаю на досуге. Пора бы уже поесть и горячего.

Про финансовые дела напишу отдельно, когда разберусь, — тут все довольно сложно — налоги, залоги, ставки, счета. Уже слупили, между прочим, 1300 долларов налога. Нет на них Зюганова.

Еще про местную жизнь. Все рядом: до кафедры 5 минут ходьбы, до центральной лужайки университета — тоже. Можно смотреть на кафедре славистики "Вести" из Москвы — каждый день в 14.00. Можно любые книги из библио-

теки (8 млн книг) брать домой. Там свободный (для преподавателей) доступ к стеллажам в хранилищах. Сам ищешь свои книги. *Только — ради Бога! — не ставьте их самостоятельно обратно.* По археологии и этнографии на русском у них великолепный выбор. Плюс все наши газеты. И все это открыто до полуночи. <...>

Археология тут особая. Это каменный век и “великие” цивилизации. Поздней археологией тут никто не занимается. Есть небольшие коллекции в Музее натуральной истории (тоже рядом) — и там были бы рады дармовому работнику. Проблема одна — язык. Но ты не трусь, Борисочкин! У нас в Америке никто без дела не останется. Было бы желание трудиться. Это только профессору позволено валяться на кушетке.

В середине сентября жара спадет (пока около 26 — 28°C), но зелень тут есть и круглогодичная. Атмосфера в кампусе — как будто на курорте. Шорты, майки, велосипеды, кока-кола. Но во вторник начинается учебный год. Что будет — посмотрим. Страшновато, конечно, поначалу. Сижу в офисе, раскладываю бумаги, книги. Думаю.

<...>

Андрей.

P.S. Отправлено 31 августа 1996 г. по дороге в БАНК.

С. И. Ануфриеву

5 сентября 1996, г. Урбана-Шампейн (США, штат Иллинойс)

Sept. 5th, 1996

Hi, Serge!

Используя служебное положение, пишу письма на служебных же, понимаешь, бланках. Вчера провел первое занятие. Кажется, что-то получается (однозначно). Мои подопечные, к счастью, не студенты, а аспиранты, которые тут учатся около 5–6 лет — набирают необходимые курсы и баллы. И вот мои бедолаги (все — леди) закатывают глаза, когда я им на карте показываю, откуда явился. В общем, на первой встрече им хватило рассказов про Great Transsiberian Railroad, First Siberian University, кровожадного Ермака и замороженных скифов. Ну, а дальше пойдет серьезная работа — смесь лекций, семинаров и рефератов. Но вот платят они только 30 % средней профессорской ставки. В целом отношение к таким вот — из “ниоткуда” на лыжах — этот странный коктейль доброжелательности и равнодушия.

Универ тут богатый, годовой бюджет — 900 млн.; 26 тысяч студентов, 8 млн — главная библиотека. Я живу в самом центре, все под рукой. Однокомнатный apartment на 1-м этаже 6-этажного билдинга. Дали кабинет на работе — с кондиционером (снаружи 32°C), но без окна, как и все на этом этаже. Вероятно, чтобы не отвлекался. Но все эти прелести сводятся на нет одним фактом — в США нигде нельзя курить в общественных зданиях, самолетах, поездах etc. Курят на крыльце. С тоской вспоминаю кафедру физвоспитания. Кстати, о спорте. Нежи-

данно выяснилось, что в книжных магазинах есть книжки о баскетболе, бейсболе — про хоккей пока ничего нужного не нашел. Есть книжки с картинками — явно не то. Я заказал книгу в Chicago, завтра они пришлют на мой компьютер каталог. Так что я помню о справочнике NHL. Вот только сейчас увидел хоккей по TV. Играют какне[-то] Anaheim[m] — Orlando, счет 2 : 4. По ящику идут фильмы, которые нам уже показало ТВ-2. Реклама — прокладки "Carefree", автомобили "Volvo" и кукурузные хлопья. Так что смотрю новости CNN. По другому каналу (на четвертый день!) показывают новости OPT и "Спокойной ночи, малыши". Очень интересно в Иллинойщине смотреть, как Хрюша со Степашкой спасают ворону в московском дворе.

Так вот, универ тут богатый. Наше подразделение называется "College of Liberal Arts and Sciences". И тут — факультеты астрономии, биохимии, биологии, антропологии (мой) и черт знает кого там только нет. Среди студентов много китайцев (не из Пекина), корейцев (тоже не из Пхеньяна), местных <...>. Сейчас везде сутолока, очереди — все съезжаются к началу семестра. Шатаются толпами до ночи, ездят на роликах (там, где нельзя), дерутся подушками на центральной площади (утром везде пух и перья). Полиция этих не трогает — они следят за наркотиками и нелегальной торговлей спиртным. Его можно продавать только персонам не моложе 21-го года.

<...>

В. М. Крюкову

1 декабря 1996, г. Урбана-Шампейн (США, штат Иллинойс)

Здравствуй, Вова!

Вот началась зима у нас — точно по графику. А вчера вечером еще шел дождь, поливал пустой город. Пустой — потому, что все студенты разом отъехали на короткие каникулы по случаю "Thanks giving" — Дня благодарения. За ним последует Рождество, потом Новый год, а в начале декабря еще и еврейский праздник Ханука — короче, в стране месяца на полтора воцаряется атмосфера Великой Американской Расслабухи. И вот ходят по зеленым лужайкам Санта-Клаусы, мокнут под дождем нарядные елки, все покупают подарки и игрушки. Наконец-то в ночь на 1 декабря выпал снег. Вот по этому случаю — "Заметки фенолога-расиста":

*Вот вытал снег.
Заметней стали негры.
Как прав был Брейгель...*

Дети, однако, не выбегают на улицу и не кричат: зима! зима! Они чего-то грызут, жуют, сосут — подкрепляются, одним словом. Как будто готовятся к трудной и несытой жизни, которую вряд ли увидят. Возвращаясь с конференции (из Бостона), я часа два сидел в аэропорту Чикаго и думал: каким увидел этот город

и народ этот Николай Михайлович Ядринцев? Ведь был он тут когда-то и, может быть, даже письма получал тут от Потанина. Сейчас Чикаго уже не город — это страна. И когда самолет идет на посадку со стороны озера Мичиган (тоже масштаб не озерный), видишь вдруг берег с частоколом небоскребов и вокруг — до горизонта — дома, дома, лужайки, бассейны, дома, парки. А потом стоишь на застекленной галерее аэропорта, а в небе — цепочка самолетов. Они садятся там каждые 40 секунд, и когда один еще катится по полосе, очередной уже касается земли. А по другой полосе — наискосок — самолеты взлетают с такой же периодичностью. И в целом это зрелище не для наших нервов. Ведь в каждой “жестянке” сидит человек двести — и смотришь, как машина налегает на землю, чуть качает крыльями, и думаешь: ну, давай, давай... Короче, я, как обкуренный Микки-Маус, таранился на этот конвейер и чуть не опоздал на свой самолет. А на другой день у нас в Иллинойсе — в маленьком аэропорту — столкнулись два самолета: один садился, другой взлетал. Всех закопали.

А конференция в Бостоне была забавная. Монументальная, как съезд КПСС. Бестолковая, как научная сессия ТГУ. И шумная, как все мероприятия в USA. Происходило все это в большом, помпезном отеле. Со швейцарами в круглых шапочках, коврами и коктейлями, цветами и туалетами с телефонами. Народу было человек 300, программа заняла чуть не 100 страниц. Увидел я публику, которую недавно именовали у нас “советологами”. Теперь им работать трудней — страна открыта, наши люди свои проблемы знают не хуже и т. д. В этой толкучке, однако, весь народ легко было разделить на “ихних” и “наших”. Первые небрежны во всем — от одежды до манер, вторые — напротив. Наши люди несут на лице печать сов. строя. Это примерно лет 10 плюс к физическому возрасту. Так что узнавали мы друг друга безошибочно. И еще — наши излишне суетливы, поддакивают, смотрят в глаза собеседнику. Были там редакторы, зам. редакторов наших “толстых” журналов. Но подлинная встреча ждала меня за дверью с буквой “М”. Я спокойно ждал, когда мужчина в длинном сером свитере освободит место у настенного агрегата. Поворачивается, вижу — Битов. Я открыл рот, чтобы нестати сказать ему “здрасьте”, но мудрый классик пробормотал дежурное “Excuse me” и протиснулся к выходу.

*Конечно, братцы, я ему не пара.
Но я сменил его у писсуара.*

Потом видел, как он стоял на балконе (опоясывающем вестибюль) с трубкой в руке и рассеянно кивал какой-то даме. Было это в день открытия конференции, и я решил, что на первый день впечатлений хватит. Поехал за реку, в город Кембридж, в Гарвардский университет. Это единственное место в USA, куда я мог “вернуться”, — три года назад был там. И я вернулся, пообедал в той же китайской харчевне и пошел бродить по переулкам. Вот таким раздолбайством были заполнены все 4 дня в Бостоне. Это был неожиданный “отпуск” посреди семестра. Приехав в большой город из своего “резервата”, я ходил по книжным магазинам, заглядывал в музыкальные, сидел вечером на берегу Атлантического (понимаешь ли) океана. Получается, что из четырех моих любимых городов

(Ленинград, Томск, Осака, Бостон) три расположены на берегу моря и все четыре — на берегах рек. Значит, это кому-то нужно?

Вот так вот, Вова. Всем привет от меня. Как там собачкин? Поди, уже совсем зверь?

Андрей.

С. И. Ануфриеву

6 октября 2001, г. Ларами (США, штат Вайоминг)

Сережа, здравствуй!

Привет тебе типа из Вайоминга, <...> чем дальше райцентр от большой земли, тем больше выпячивается. А нам и сам Бог велел. Мало того что самый ненаселенный штат, так еще последний по алфавиту. Пассажирской ж/д в городе нет, аэропорт — как в Ключвинке, общественного транспорта тоже нет, как и многого другого. Зато есть университет. Если его убрать, то Ларами никакой спутник не засечет. Вот "мы" и выступаем — иначе уж совсем как-то скучно. В городской газете "Бумеранг" (?) шутивная статья: "32 причины, почему Вайоминг лучше Колорадо". Вообще, эти ковбои — большие мастера давать названия. Название университетской газеты переводится как "Закаленная сталь". Узнаешь? А напротив студгородка — книжный магазин университета. Называется "Ковбой". Допустим, тем более что разных ковбоек и футболок там больше, чем книг. Но расположенные рядом пивная и магазин спиртных напитков гордо именуют себя "Library", т.е. "Библиотека". Понятно, куда идут студенты. Конечно, только те, которым 21 год. В прошлое воскресенье был Семейный день. Понаехали предки, выпускники. Два бывших студента подарили университету 45 млн долларов. И вообще народ отдыхал чисто с удовольствием. Было +25°C, солнце, ни облачка, золотая осень. Народ на лужайках трескал булки с котлетами. В "Библиотеке" было не протолкнуться. Теперь американцы как-то особо рады любому поводу отдохнуть, забыться.

Так что "Библиотеке" (здесьнему "Апрелю") банкротство не грозит.

Почему-то народ (кое-где) уже празднует День Колумба. Сейчас ТВ показывало, как это делают аборигены Скалистых Гор. Явно датые индейцы несут траурные флаги (типа "Мне в сугробе — горе, а ребятам — смех"). Да, Rocky Mountains — это не прерии Иллинойса. Здесь все как-то иначе. Наверное, это то, что в Штатах называют "культурное разнообразие". Приезжих — вроде меня — это ставит в тупик. Так, телефонную карточку, чтобы домой типа неожиданно звонить, я смог купить только в прачечной. Когда я хотел отправить сыну деньги, тетка в банке аж вся вспотела, рыская по Интернету и обрывая телефон. Потом — с большими извинениями — сообщила, что служба переводов "Western Union" у них в банке недоступна. Но я могу воспользоваться ее услугами в гастрономе "Safe Way", — это сущие, мол, пустяки, около 1 мили отсюда. И что же? В гастрономе деньги взяли и отправили махом. А заодно продали мне со скидкой блок "Мальборо". А вывеску "Western Union"

ты можешь видеть у нас на Кирова, 2, у входа в Альфа-банк. Но отнюдь не в магазине на углу. <...>

Ходил я, ходил по этому славному городку и не мог понять: что-то здесь не то, чего-то не хватает. И сегодня (впервые!) встретил в кампусе чернокожего студента <...> и осознал: тут почти нет афроамериканцев и жителей Поднебесной. Вот так иносказательно приходится выражаться, имея в виду, что перлюстрация зарубежной почты — дело почти решенное после 11 сентября. Конечно, этот ковбойский штат — место препрятнейшее (это для грамотеев из ФБР, sorry [gn]ys). Выходцев из России крайне мало, и это радует меня: есть шанс улучшить английский язык. Правда, русские имена звучат, но уже — как полностью адаптированные. <...> Живу я в гостевом доме, на самом краю города. Конечно, немного тоскливо вечерами, да и непривычно жить в доме одному. Такая вот экзистенция. За и перед домом — лужайка. Вокруг — ели, всякие птицы, белки. Метрах в 200-х город обрывается. Дальше — холмы и горы. (Когда же у тебя e-mail будет? Я бы фотки прислал...) Дом я пока изучил не до конца. Не ходил в подвал, т. к. знаю, где в американских домах прячутся вампиры и маньяки. Пусть они там сами между собой разбираются.

Да, кстати, о работе. У нас тут — в одном из 15 университетов USA — есть что-то вроде педагогического факультета. <...>, но почитал всякие объявления. Занятно. По e-mail'у я мог бы прислать тебе массу оригинальной информации. Нужны ли еще аргументы для открытия твоего адреса в e-mail? Кстати, а вот и мой адрес (только не смейся): sagalaez@uwyo.edu. Какие-то козлы перепутали последнюю букву в моей фамилии, и теперь я то ли “Сагалаев”, то ли “Зайцев”. Костя уже оборжал меня как мог. <...>

Так вот. Факультет тут маленький. Всего 70 студентов и аспирантов к нему приписаны. Правда, читаются курсы для студентов других факультетов. Преподавателей тоже мало: “полных” профессоров — 4, “ассоциированных” — 3, “помощников профессора” — 3, прочих — 5. Я читаю 2 лекции в неделю, каждая — 75 минут. Плюс консультации и всякая работа “для местного сообщества”, т. е. разного рода лекции для публики, презентации и пр. Все мои слушатели — аспиранты. Но вот на днях приبلудилась студентка. Теперь придется заниматься с ней индивидуально и объяснять, что такое “клан”, “тотем” etc. Но это хорошо. Здесь принято демонстрировать свою “сверх-необходимых-обязанностей-педагогическую-активность”. Это мы можем.

И вот что еще забавно. Слово “Siberia” здесь в пояснениях не нуждается. Везде — в универе, на улице, в магазине — люди реагируют так: “О, Сибирь?! Это же как наш Вайоминг!” (Размечтались.) Но вот один мужик, владелец магазина одежды (с неприличным для нашего уха названием — “Nuevos Rancheros”), тот сразу сказал, что “это мечта его детства — побывать в Сибири. Только не в ГУЛАГе”. Что тут скажешь? Я не могу дать ему таких гарантий. Да и детство у него что-то затянулось. Он старше меня лет на 40. Через несколько дней встретил меня у дверей — я просто проходил мимо — и спросил, а когда же придет моя жена? (Читай: “ей тоже нужна зимняя одежда.”) А зима <...> наступает стремительно. Вчера еще ходил в майке, а сегодня как бабахнет +5°C. <...>

Да мне еще надлежит у себя в доме устроить "встречальную вечеринку" для сотрудников факультета. Заделаю-ка я им пельмени под ледяную водку. Глядишь, кто и не простудится.

<...>

О. Б. Беликовой,

31 октября 2001, г. Ларами (США, штат Вайоминг)

Олечкин, здравствуй!

Что-то ничего не слышно от тебя.

У меня образовался неожиданный выходной, так как все мои аспиранты уехали на конференцию. Так что завтра я смогу спокойно поработать в библиотеке на себя.

Сегодня тут Хэллоуин — народ помаленьку сходит с ума. С одной стороны, объявили о возможности новых терактов и везде — повышенные меры безопасности. Вчера днем у нас неожиданно закрыли один корпус, где студенты отдыхают, питаются и вообще. Оцепили, всех попросили выйти. Я как раз шел перекусить перед лекцией, и все это видел. В одном из местных аэропортов отменили все полеты, так как неподалеку расположен старый завод по производству атомного оружия. Один телевизионный канал не работает второй день. Просто "висит" картинка "Ждите сообщений". Все это как-то невесело.

С другой стороны — праздник никто не собирается отменять. Говорят, что впервые за 46 лет в этот день полнолуние, к тому же в горах луна оранжевого цвета. То есть это вообще супер. Телевизор сегодня хоть не включай — сплошные монстры и вампиры. А местный канал подверстал к этому празднику несколько документальных фильмов про мумии, в том числе — про нашу алтайскую мумию. Я студентам его показывал на прошлой неделе.

Вот такой пир во время чумы. Только что передали, что теракты возможны сегодня вечером. Может, пойти купить спичек и мыла?

Костя пишет, что мама так и не получила мое письмо. Я ведь еще подумал, когда отправлял — уж больно марки там красивые наклеены. Вот сволочи...

И еще я вспомнил, как пять лет назад мы с тобой в этот день ходили в Линкольн-центр. <...>

Андрей.

И. М. Сагалаевой

2 февраля 2002, г. Ларами (США, штат Вайоминг)

Мамуля, здравствуй!

Позавчера мимо нас пронесли факел с олимпийским огнем. Именно — "мимо нас", т. к. они не завернули в Ларами, а двинули прямо из столицы Вайоминга

(г. Шайенн) в столицу Колорадо (г. Денвер). Так что я видел это дело только по телевизору. <...> Но тут погода им свинью и подложила. В начале недели было плюс 12, а через пару дней — минус 25 (ночью). И в Денвере — рано утром — мужик бежал с факелом по абсолютно пустой улице (с вертолета снимали). А в соседнем городе народ ждал эту процессию, нарядившись в древних греков (явно не по погоде одежка). Но вообще американцам не откажешь в одном — из любого события они делают шоу. И этот факел как только не передвигался — лыжник спускался с ним с горы, какой-то эскимос шел с факелом на “снегоступах”, возили его на снегомобиле, ветеран вьетнамской войны вез его на инвалидной коляске и пр. и пр. Каждый факелоносец получил право оставить себе копию олимпийского факела — и всего-то за 334 доллара. Вот в этом — вся Америка. <...> А так создается впечатление, что она очень точно рассчитана и с людей не берет лишнего.

Из других новостей могу сообщить, что не курю со 2-го января. Зато каждое утро начинается с того, что наклеиваю на руку пластырь, который в течение суток — через кожу — снабжает организм определенной дозой никотина. Со вчерашнего дня эта доза равна 14 мг. В марте будет 7 мг, а потом придется обходиться без пластыря. По статистике 25% бросают курить с помощью этого препарата. Называется он “Nicoderm”, русский вариант — “Никак дерьмо?”. Посмотрим. В любом случае я рад передышке; начал различать давно забытые запахи, появился аппетит, немного прибавил в весе. И тут американцы все рассчитали точно. Стоимость лекарства на полный курс (2,5 месяца) примерно равна стоимости сигарет, которые человек мог бы выкурить за это время.

22 января начался новый семестр. На этот раз группа у меня подобралась необычная. Всего 8 человек (это нормальный размер группы для американского университета), но из них только один человек — студент, остальные — аспиранты либо люди, получающие второе высшее образование. Есть даже индеец — волосы до плеч. <...> А другой слушатель изучает русский язык, и каждый раз, когда я вхожу в класс, говорит мне: “Добри ден, гаспадин прафесар”. А все остальные зовут меня просто Андрей, как это у них принято. Я только попросил (в шутку) не обращаться ко мне “Эй, ты!”. Лекции проходят хорошо, в конспект почти не заглядываю. Показываю слайды, документальные кинофильмы, сам рисую на доске всякие нехитрые схемы (“Устройство алтайской юрты и символика ее пространства”). <...>

А еще собираюсь в командировку, в город Кливленд (штат Огайо), где в начале апреля будет конференция по религиям народов мира. Тезисы уже им отослал. Программа “Фулбрайт” оплачивает только проезд (гостиница — за свой счет), и только один раз. А тут как раз приходит еще одно приглашение — на конференцию всех фулбрайтовцев в Вашингтон, и тоже в начале апреля. <...> Если все сладится, то 2–4 апреля я буду в Вашингтоне, а 5–7 — в Кливленде. Надо, в конце концов, посмотреть, что там за Белый дом такой. Правда, в одном большом городе я уже побывал. В Денвере, когда встречал Ольгу. Мы там прожили 4 дня в гостинице, в самом центре города. Из-за известных событий американцы путешествуют по стране меньше, поэтому цены в гостиницах (исключая восточное побережье) не слишком высокие. А теперь вот снова живем в своем “райцентре”. Ольга ходит в бассейн, в библиотеку, шлет родным электронную почту,

иногда звонит. Обычный почтовый ящик, увы, доставляет мне не письма, а разные счета: за дом, за газ, за воду. В декабре прислали даже счет за "защиту от москитов", хотя я этих насекомых даже и не видал.

Вот пока и все. Жду от тебя письмо. Всем большой привет. Пожалуйста, не болей и не переживай особо за внуков. Целую.

Андрей.

Публикация О. Б. Беликовой.

Публикация частично подготовлена при финансовой поддержке в форме гранта, который в 2003 году для обработки личного архива А. М. Сагалаева предоставил "Фонд Веннер-Грен для антропологических исследований" (США) — "The Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, Inc." (USA).

Справка об адресатах

Сагалаева (дев. Рудакова) **Илиада Максимовна** — мама А. М. Сагалаева. Родилась в местечке Ильино Ильинского района Великолукской области. По профессии врач. С 1953 г. по 1990 г. работала в поликлиниках и больницах г. Новосибирска врачом-отоларингологом, заведующей отделением, заместителем главного врача, главным врачом. В настоящее время — пенсионер, проживает в г. Новосибирске с семьей дочери.

Сагалаев Марк Константинович (1930–1999) — отец А. М. Сагалаева. Родился в с. Новоникольское Похвистневского района Куйбышевской области. По специальности он инженер-механик по самолетостроению. С 1967-го и до кончины работал в г. Новосибирске на авиационном заводе (позднее — авиационное производственное объединение) им. В. П. Чкалова, в том числе заместителем главного инженера, главным инженером, директором. Лауреат Государственной премии СССР (1984) за разработку и создание новой техники.

Кривцова (Сагалаева) **Анна Марковна** — младшая сестра Андрея, архитектор. Закончила Сибирский строительный институт. Ныне проживает в г. Новосибирске.

Маркова Елена Афанасьевна (1904 — 1985) — бабушка А. М. Сагалаева по материнской линии, учительница. Заслуженный учитель РСФСР. После выхода на пенсию жила в Новосибирске в семье Сагалаевых, воспитывала внуков — Андрея и Анну. Андрей был очень привязан к ней, часто с теплотой вспоминал.

Ануфриев Сергей Иосифович — однокурсник А. М. Сагалаева, выпускник исторического факультета ТГУ. Ныне — заместитель директора по научной работе Института развития образовательных систем Российской академии образования, профессор кафедры философии ТГПУ.

Львова Элеонора Львовна — этнограф, кандидат исторических наук. С 1964 г. — сотрудник историко-филологического факультета ТГУ. Под руководством Э. Л. Львовой Андрей специализировался по этнографии в студенческие годы, выполнил дипломную работу «Иконография ламаизма». В соавторстве были написаны 2 коллективные монографии (1988, 1989) и статья (1987). Ныне Э. Л. Львова — доцент исторического факультета ТГУ. Ее А. М. Сагалаев считал своим учителем в науке.

Усманова Марьям Султановна — этнограф, кандидат исторических наук, специалист по культуре народов Сибири. Окончила в 1972 г. историко-филологический факультет Томского государственного университета, в котором позднее (1974–1989 гг.) работала в Музее археологии и этнографии Сибири и Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. Соавтор А. М. Сагалаева в написании 2 коллективных монографий (1988, 1989) и статьи (1987). Ныне — заведующая кафедрой, доцент Западно-Сибирского филиала Российской академии правосудия (г. Томск).

Беликова Ольга Борисовна — жена А. М. Сагалаева во втором браке. Археолог, выпускница 1977 г. исторического факультета ТГУ, кандидат исторических наук. Ныне — ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Крюков Владимир Михайлович — выпускник историко-филологического факультета ТГУ, журналист (до начала 90-х). Автор четырех поэтических книг. Член Союза российских писателей. Соавтор А. М. Сагалаева по книге «Потанин: опыт осмысления личности» (Новосибирск, «Наука», Сибирское отделение, 1991).